

СМЕРШ —
спецназ Сталина

**ЖАЛЬ,
НЕ ДОБИЛИ**

*Александр
Тамоников*

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Жаль, не доби́ли

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Жаль, не доби́ли / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2017 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-699-97014-8

1946 год, Львов. Капитан СМЕРШа Алексей Кравец назначен начальником местного райотдела МГБ. Главной задачей оперативников по-прежнему остается ликвидация банд националистов. В их рядах – и личный враг Алексея, Нестор Бабула. Снова горят дома мирных украинцев и поляков, снова льется кровь. Капитан готовит решающую операцию по уничтожению бандитов. Но матерый Бабула начеку. Срабатывает устроенная им ловушка, и раненый Кравец попадает в плен к бандеровцам. Час расплаты настал, вопрос только в том, кто сумеет выстрелить первым...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97014-8

© Тамоников А. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Тамоников

Жаль, не доби́ли

Все, изложенное в книге, является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

А. Тамоников

© Тамоников А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1

*Сентябрь 1946 года
город Львов*

Кашлянул охранник, заскрипели дверные петли. Бывший капитан контрразведки Смерш Алексей Кравец открыл глаза, начал подниматься с нар, обитых железом.

«Вот и прошли твои лучшие денечки, – проплыла невеселая мысль, когда на пороге вырос плечистый охранник с кобурой на ремне. – А ведь этот надзиратель ни хрена не смыслит в своем ремесле. Я могу одним ударом вывести его из равновесия и завладеть оружием, – машинально подметил Алексей. – Даже автоматчик за спиной не особая помеха. Достать ногой и вырубить к той-то матери».

Он тоскливо вздохнул, прищурился. В коридоре горел пронзительно-яркий свет.

– На выход, – лаконично бросил надзиратель и добавил, когда арестант проплелся мимо: – Руки за спину, лицом к стене.

Конвойир гремел засовом, источая запах дешевого одеколona.

«Надеюсь, не на расстрел», – подумал Алексей, равнодушно созерцая трещину в стене.

Впрочем, он знал, что в подвалах областного управления расстрелы не производились. Смертные приговоры приводились в исполнение в тюрьме под названием Бригидки, в подвале со стороны улицы Городецкой. Эту точку специально обученные люди незатейливо называли постом номер один. Осужденный враг Советского государства вставал лицом к холодной стенке, и сотрудник карательного аппарата стрелял ему в затылок из «нагана». Убитых вывозили за город, там выгружали, закапывали.

Врагов у Советской власти оставалось множество, хотя не все они были настоящими. Достойный пример тому – Алексей Кравец, капитан упраздненной контрразведки Смерш.

– Вперед, – буркнул ему в затылок надзиратель. – Прямо по коридору и на лестницу.

Недельное пребывание в застенках не пошло на пользу организму. Арестант не чувствовал себя отдохнувшим. Ноги были ватные, гудела голова, в сознании преобладало безразличие. Он плелся по коридору, поднимался вверх, преодолевая ломоту в суставах. Снова механические команды: «На месте!», «Лицом к стене!», «Пошел!». Сегодня конвоиры обращались с ним вежливо.

В помещении для допросов сидел знакомый капитан госбезопасности Желтухин и делал вид, будто внимательно изучает какие-то бумаги. Этого рябого карлика Алексей ненавидел всей душой. Трижды в неделю тот вызывал его на допрос, задавал тупые вопросы, предъявлял вздорные обвинения, основанные непонятно на чем. В прошлый раз Желтухин сорвался, схватил настольную лампу и несколько раз огрел арестанта по затылку, да с такой злостью, что голова взрывалась до сих пор.

На этот раз Желтухин не предложил ему присесть. Капитан хмурился, сводил густые брови, отложил потрепанную папку, мазнул быстрым взглядом арестанта.

Тот был одет в гражданское. В чем привезли неделю назад, в том и остался. Штаны и пиджак висели мешком, в них прочно впитался гнилостный дух неволи. Лицо осунулось, обросло щетиной, в запавших глазах застыло равнодушие.

– Здравствуйте, Алексей Викторович. Должен сообщить хорошую новость. Ваше дело рассмотрено на уровне областной инстанции, вынесено решение. В ваших действиях не выявлено состава преступления. Вы свободны. Можете продолжать выполнять свои обязанности. – Он хотел еще что-то добавить, но передумал и с сожалением уставился на табуретку, стоявшую у дальней стены.

В груди Алексея что-то шевельнулось, но не сильно. До него еще не дошла суть того, что он сейчас услышал.

– Вы понимаете меня? – Глаза капитана Желтухина перестали блуждать и зафиксировались на понурой фигуре.

– Смутно, гражданин капитан, – выдавил несостоявшийся враг народа. – Намекаете, что расстреливать не будут?

– А вы хотите? Ваше дело закрыто, вы свободны. Ошибки случаются, никто от них не застрахован. Вам вернут ваши личные вещи, оружие, правительственные награды и служебные документы. Вы по-прежнему сотрудник оперативного отдела. Можете отдохнуть два дня, восстановить силы, потом возвращайтесь к работе.

«А извиниться? – подумал Алексей. – Или не принято? Лес рубят, щепки летят? Случай, если вдуматься, уникальный. Даже до трибунала не довели, хотя он и не выносит оправдательных решений. Видимо, кто-то наверху, обладающий здравым умом, в ужасе схватился за голову. Мол, что же вы творите, кретины?! А ведь субъектов, подобных Желтухину, не перечесть. Они живут не по закону, не по совести, а по ситуации. Чуют, откуда ветер, мигом приспособливаются, лезут из кожи, чтобы услужить».

– Я могу идти? – Он в нерешительности топтался на месте.

– Вас проводить до выхода? – В глазах Желтухина блеснула недобрая искра. – Охранник проводит, не волнуйтесь. Вы и сами знаете, где надо получить вещи и расписаться.

Да, минули лучшие денечки. Обладатель десятка правительственных наград, боевой офицер, неизменно преданный делу Ленина, чувствовал себя сломленным, опустошенным. Треснул стержень, державший его многие годы. Работа на износ, гибель в Ленинграде жены и дочери, утрата друзей – все он снес, а вот сейчас сломался. Недоумение, обида, полная растерянность. За что?! Хорошая новость. Он не виноват. Надо же!

Алексей плохо помнил, как покидал оплот государственной безопасности областного масштаба, брел к воротам мимо газонов. От свежего воздуха кружилась голова. Только на улице, вымощенной булыжником, среди добротных каменных домов, в окружении прохожих, машин, трамваев, он начал приходить в себя, понимать реальность. Кравец глубоко вздохнул. Голова его вернулась на место, хотя в ней и оставалась тупая боль.

Он шагнул на рельсы, отшатнулся, когда под боком зазвенело, едва не угодил под бодро бегущий трамвай, пропустил его, перебежал через пути. Прохожие смотрели на него как-то странно, на всякий случай сторонились. Он шел по тротуару, стараясь не думать о том, как выглядит.

Улица шумела, чувствовалась близость к центру. Предприимчивые коммерсанты продавали с возов свежий хлеб. К ним выстраивались очереди. Мелькали чистильщики обуви со своими ящичками.

Алексей почувствовал голод, порылся в карманах, отыскал несколько скомканных купюр и отправился к ближайшему киоску. Он сунул продавцу десять рублей, взамен получил бутерброд с тушенкой и чашку чаю. Вполне по-божески. К частным инициативам граждан власти пока относились снисходительно. Кравец жадно съел бутерброд, купил еще один, попросил завернуть и пошел через дорогу в сквер.

Почти все лавочки там пустовали. Он сидел в стороне от оживленной магистрали, рылся в мятой пачке «Беломора», жадно курил огрызки папирос. Мимо прошел патруль. Солдаты с интересом глянули на него, но допытываться не стали.

Бытие города Львова уже два года перестраивалось по советскому образцу. Люди жили тут под поляками и немцами. Теперь все решительно менялось.

Важный стратегический центр Западной Украины, где сходились все дороги, и после войны имел огромное значение. В городе стояли воинские части, работали госпитали. Действовал комендантский час. Вокруг Львова тянулась тридцатикилометровая зона тотального паспортного контроля. Проверки на дорогах, патрули на каждом углу.

На предприятиях и в организациях с целью выявления националистического подполья создавались наблюдательные группы во главе с сотрудниками НКВД и ГБ. Тайные агенты работали повсюду – на заводах, в школах, в студенческих общежитиях.

Но обстановка оставалась сложной. Во Львове действовало бандеровское подполье, наносило удары исподтишка, имело разветвленную сеть сторонников, конспиративных квартир и схронов. Бандитов из УПА не смущало наличие в городе воинских частей. Здесь работали подпольные типографии, на улицах расклеивались листовки, распространялась подрывная литература, орудовали мелкие террористические группы.

Подавляющее большинство советских служащих, чиновников и партийных функционеров были приезжими. Они попали сюда из восточных районов Украины, России, других республик СССР. Галицким украинцам власти не доверяли, их редко принимали на ответственную работу. Они и не рвались – боялись за жизнь. Подполье мстило жестоко.

Львов напоминал взъерошенный муравейник. После освобождения города сюда хлынули переселенцы с востока, причем не только те, кому обещали здесь работу. В город валом валили голодающие из Бессарабии, всяческие деклассированные элементы, включая банальное ворье. Классово надежная, преданная власти публика составляла лишь незначительный процент. Компетентные органы сбивались с ног, трудились без выходных.

Все же город жил, развивался. Власть доказывала свою эффективность. Антисоветских выступлений становилось меньше. Львов хорошел. Закладывались новые скверы, высаживались деревья, открывались театры. Дороги и дома восстанавливали военнопленные, с непревзойденным немецким качеством. На линии выпускались новые автобусы, трамваи.

Внимание Алексея привлек шум, донесшийся с улицы. Там как раз остановилось это самое транспортное средство, знаменитый львовский трамвай, сияющий свежей краской. Пассажиры висели на подножках – закончился рабочий день. Трамвай гудел, колыхалась в салоне человеческая масса.

На улицу вывалился невзрачный тип в кепке и покатился под колеса, изрыгая матерщину. Раздался пронзительный свисток. К остановке уже бежали два милиционера. Первый вытаскивал «наган» из кобуры. Из трамвая выскочили еще два человека. Грохнул выстрел, за ним другой. Кричали и шарахались прохожие, но из салона больше никто не выходил.

Алексей не шевелился, сегодня он был просто статистом. У трамвая вспыхнула драка, хлопнули несколько выстрелов. Подбежали двое в штатском с характерными лицами, ухватили невзрачного типа и потащили за угол. Он верещал, отбивался, за что и получил по шее.

Милиционер что-то кричал вагоновожатому, тот растерянно разводил руками. Страж порядка раздраженно махнул ему. Мол, езжай. Трамвай отправился по маршруту, стуча колесами по стыкам рельсов. На шпалах осталось неподвижное тело. Над ним возвышался милиционер. Он растерянно чесал макушку рукояткой револьвера.

Жизнь продолжалась. На улице снова возникли прохожие. Они шли, прижимаясь к домам, и опасливо поглядывали на покойника. Обычный криминал.

Невзирая на опустошительную войну, полное истребление евреев и интеллигенции, город Львов считался благополучным и зажиточным. Сюда на промысел приезжали воры даже из России. На улицах, в магазинах, в трамваях шайками работали карманники. Наглые, дерзкие, живущие по блатным понятиям. Дашь таким отпор – искалечат, даже убьют. На сей раз им не повезло, не на тех нарвались.

Он покосился по сторонам. В сквере было тихо. Подошел, прихрамывая, пожилой мужчина с тросточкой, сел на соседнюю лавочку, развернул «Львовскую правду».

Алексей грузно поднялся и отправился дальше. Он снимал квартиру неподалеку, в старом доме на улице Кирпичной.

Кравец срезал путь через блошинный рынок. Подобных площадок во Львове существовало множество, их контролировал кто угодно, только не власти. Милиция периодически

устроивала облавы на спекулянтов, но завершались они, как правило, ничем. Крупных дельцов об этом предупреждали, у местного криминалитета имелась собственная «служба безопасности», связанная с чиновниками. Брели бесполезную мелюзгу. А назавтра спекулянты снова торговали табаком, дрожжами, сахаром, умыкнутым с армейских складов.

Такие рынки в послевоенном Союзе стали общим местом. Они успешно конкурировали с государственными магазинами, где товары отпускались по карточкам. Люди торговали там всякой всячиной, бросовым ширпотребом, никому не нужным старым хламом. Ходовые товары на виду не лежали, но все знали, у кого что спрашивать.

Алексей купил курево и с постной миной шел сквозь ряды. Кругом суетился народ, шныряли подозрительные типы в кепках-восьмиклинках, надвинутых на глаза. Для мелких карманников здесь было раздолье.

Алексей вышел с рынка, присел на скамейку под декоративным фонарем. Его снова тошнило, подгибались ноги. Недельный кошмар не отпускал. Он приводил в порядок дыхание, смотрел, как за забором, увитым колючей проволокой, пленные немцы возятся на развалинах пассажа.

В годы оккупации здесь рванул подвал, до упора загруженный взрывчаткой – советские партизаны постарались. Наверху проходило мероприятие с участием видных чинов СС и оккупационной администрации. Выжили немногие. Взрыв был такой силы, что потолки павильонов просто рухнули, и несколько часов над руинами висела пыль. Ценой акции стал расстрел двухсот ни в чем не повинных горожан, которых расшвырявшие эсэсовцы хватили без разбора.

Алексей наблюдал, как трудятся пленные, совершенно обезличенные, в затертых до дыр обносках формы. Они не думали о побеге, потому как удирать им было некуда, не нуждались в понуканиях и окриках, работали слаженно, расчищали завалы. Можно было не сомневаться в том, что через несколько месяцев тут вырастут новые торговые павильоны, нарядные и прочные.

«Нельзя их отпускать домой, – подумал Алексей. – Пусть работают».

На него снова навалилась хмарь. Причины на то имелись.

15 марта 1946 года все наркоматы были переименованы в министерства. 4 мая упразднили Смерш, самую загадочную и эффективную спецслужбу Второй мировой войны. Этого следовало ожидать. Наступил мир, перед страной стояли другие задачи. Отделы контрразведки расформировывались, вливались в структуры МВД, МГБ.

Бессменный руководитель Смерша Виктор Семенович Абакумов возглавил Министерство государственной безопасности, по возможности перетягивал в него верных людей. Без грызни и межведомственных распрей не обходилось.

Десять дней назад был арестован начальник областного управления контрразведки полковник Самсонов, непосредственный начальник Алексея. Удар был ниже пояса. Сотрудники такого не ожидали. Опытный специалист, до мозга костей преданный Советской власти.

Чем не угодил? Настучал кто-то, настрочил ложный донос, а наверху только это и требовалось. Обвинения были вздорные для любого человека, знакомого со спецификой работы. Антисоветская деятельность, пособничество бандитскому подполью, получение инструкций от Романа Шухевича, который лично и завербовал полковника. Господин генерал-хорунжий, наверное, обхохотался в своем подполье. Такого подарка от врагов он явно не ожидал.

Впрочем, практика повсеместная. Еще Геббельс подметил, что чем грандиознее ложь, тем охотнее в нее верят.

Вместо Самсонова теперь полковник Кусков, темная лошадка, симпатизирующая Лаврентию Павловичу Берии, а никак не Виктору Семеновичу Абакумову. По слухам, тот был вынужден сдать своего человека. При перетряске аппарата полетели несколько голов достойных, по мнению Кравца, людей.

За ним самим пришли, когда до окончания работы оставалось два часа. Шок, изумление. Почему?! С политикой партии целиком и полностью согласен.

Впоследствии он понял. Причина в Лизе Соколовской, оказавшейся агентом Нестора Бабулы. Но ведь Алексей не знал, лично разоблачил эту суку! Да, он провел с ней ночь, питал определенные чувства. С того времени прошел год. Допустил ошибку, сам же ее и исправил.

Оказалось, не все так просто. Кто его сдал? Кравец всю голову сломал. Может, Лева Березин? Вроде не должен, нормальный человек, все понимающий надежный товарищ. Недавно письмо прислал – возглавляет районное отделение ГБ в Киеве. К чему ему сдавать товарища, с которым пройдены суровые испытания? Но все возможно.

Желтухин как попугай твердил одно и то же. Как получилось, что вы имели интимные отношения с врагом Советского государства? Это халатность, служебная оплошность или злой умысел? Она завербовала вас? Выкладывайте адреса, пароли, явки! Какое отношение к вашей подрывной деятельности имеет полковник Самсонов? Сколько денег вы получили от английской разведки? Абсурдность происходящего зашкаливала, но Желтухин упорно гнул свою линию, перемежая вопросы побоями. Кем он себя возомнил? Фонарем, который думает, что он солнце?

Во дворе на Кирпичной все было без изменений. Ободранная тыльная стена, разбитая кладка. Железные лесенки, балконы, увитые плющом, стиранные простыни и панталоны. Местные бездельники на подвальной лестнице потягивали пиво.

С третьего этажа неслись крики, падала посуда. Пышнотелая Груша Антоновна в очередной раз оскорбляла действием своего запившего сожителя.

Люди жили нормально, ни в чем себе не отказывали.

Алексей поспешил в подъезд, чтобы не стать объектом нежелательного внимания. В парадном пахло кошками и мочой, прекрасными атрибутами мирной жизни. Под ногами хрустела штукатурка, опавшая со стен.

Он поднялся на пятый этаж, поковырялся ключом в дерматиновых лохмотьях, отыскивая скважину. Алексей старался не шуметь, открыл, вошел.

Съемная квартира не впечатляла кубатурой – две комнаты, кухня, символический балкон. Ничего не изменилось. Даже девушка та же.

Она стояла на столе в гостиной – в дешевом ситцевом платице, трогательных полосатых гольфах – и пыталась шваброй, на которую была накручена тряпка, ободрать штукатурку, свисающую с потолка. Темное пятно в углу, сквозь которое в ненастье просачивалась вода, давно стало темой для их разговоров. Мокли, подгнивали потолочные перекрытия. Ниночке управиться с этим было не по силам, а Алексей вечно занятой.

Она ахнула, обернувшись, выпустила швабру. Глаза ее наполнились какой-то смесью радости и ужаса. Словно в квартиру вошло привидение! Нина качнулась, подогнулись неустойчивые ножки стола.

Алексей шагнул вперед, девушка свалилась ему в объятия, зарыдала в полный голос. Он гладил ее по спине, пытался отстраниться, чтобы посмотреть в глаза, но она льнула к нему, прижималась, вцеплялась в него тонкими руками.

– Господи, ты пришел, тебя отпустили. – Нина шмыгала носом, голос ее дрожал, срывался.

– Милая, все в порядке. – Алексей провел ладонью по растрепанным волосам девушки. – Так и должно было произойти, я ни в чем не виноват. Ты уже вернулась с работы?

– Да, вернулась. – Она энергично кивнула. – Все хорошо, Леша.

– Я тоже вернулся с работы.

– Что за работа такая? – Она отстранилась, стала всматриваться в его лицо, гладила серую кожу, из которой торчали пучки щетины. – Тебя точно отпустили?

– Точно. Разобрались, извинились. У нас невиновных не сажают в тюрьму, Нинок, и к стенке не ставят.

– А меня на допрос вызывали. – Ее глаза опять наполнились слезами. – В тот день, когда тебя забрали, за мной тоже пришли, в машину сунули.

«И охота им бензин переводить», – со злостью подумал Алексей.

– Меня допрашивали. Было очень страшно.

– Но ты им ничего не сказала? – неудачно пошутил Алексей.

– Боже, нет, конечно. Мне просто нечего было сказать. Я выглядела полной дурой. Меня отпустили, посоветовали быть бдительнее, тщательнее подбирать кандидатов в мужья.

– Все, моя хорошая, оставим кошмары в прошлом. – Алексей поцеловал ее в голову. – Постараемся забыть. Ничего страшного не произошло. Будем жить, работать...

«Может, даже поженимся и заделаем это чертово пятно на потолке», – срывалось с языка, но он прикусил его.

– Хорошо, Леша. – Она шумно выдохнула, улыбнулась сквозь слезы. – Я сильно испугалась, никогда не думала, что со мной такое случится. Окончательно истощала за эту неделю. У меня теперь фигура зубочистки.

– Это не самое страшное, – уверил ее Алексей. – Посмотри в окно на соседку Алену, вот у кого проблемы. Ничего нового? – Он посмотрел по сторонам.

– Ничего. – Она вытерла слезы, засмеялась. – Прости, вчера что-то с памятью стало, забыла дверь закрыть, вошел соседский кот Борман и надул в твои сапоги. Я ему по морде тапком надавала, выгнала, но что теперь делать с сапогами?

– Кот в сапогах? – Алексей рассмеялся. – Ладно, разберемся, привлечем поганца к ответу. Ты хоть что-нибудь готовила в эти дни?

Он жадно ел холодный борщ из тощей синей курицы. Нина сидела рядом, подперев подбородок, смотрела на него с какой-то грустью, интересовалась, вкусно ли.

Зачем спрашивать? Впрочем, хлористого натрия в борще не хватало. Нина всегда боялась пересолить.

Он тоже смотрел в ее глаза, проваливался в них.

Четыре месяца назад, сразу после перевода во Львов, Алексей повстречал эту худенькую девушку на ночной улице. Был комендантский час, она возвращалась в общежитие со второй смены на швейной фабрике, имела пропуск. Даже от страха пыталась его предъявить мерзким хулиганам, вылезшим из подворотни! Те захохотали, вырвали сумочку, уже раздевали ее, играя ножичками. Нина от ужаса потеряла дар речи, только хрипела что-то невразумительное.

Алексей возвращался из управления, заглянул в подворотню на шум. Убивать эту теплую гоп-компанию он не стал, но отделал с таким упоением, что лечить там уже было нечего.

Капитан потащил девушку в подворотню, когда наметился патруль. Ему хотелось спать, а не разбираться с коллегами.

В соседнем переулке он осветил ее лицо и невольно признал, что у нынешних бандитов есть вкус. На него смотрели огромные красивые глаза. Сама она была худенькая, маленькая, но они сразу запали в душу.

Умница, комсомолка Нина Верещагина приехала во Львов с компанией подруг из героического Краснодона. Он проводил ее до общежития и посоветовал избегать подворотен, на следующий день караулил у проходной, одевшись в штатское. Она подбежала к нему, сияя улыбкой, а потом призналась, что ждала его, знала, что придет.

Через неделю Алексей предложил ей переехать в его съемную квартиру. Нина испугалась. А как же мораль, нравственный облик, высокие стандарты и правила советского общежития? Он популярно объяснил ей, что он офицер контрразведки. Никто не посмеет упрекнуть его в отсутствии высокой морали. Нина переехала к нему, и до прошлой недели все шло замечательно.

К ночи началась трясучка. Ему мерещились тюремные стены, в ушах гремели окрики надзирателей. Нина пошутила, мол, тебе необходима консультация психиатра. Ему же было не до шуток.

Интимные отношения не задалась. Они лежали в кровати. Девушка гладила его по голове, смотрела с грустинкой, и он не мог понять, чем она вызвана. Алексей обнимал ее, но она куда-то уплывала.

Кравец подумал, что времена меняются, пусть и не кардинально. В тридцать седьмом его не выпустили бы. Нину после допроса отправили бы не домой, а в далекие сибирские просторы по пятьдесят восьмой статье, которую почему-то никто не отменял.

Он не помнил, как уснул. Остались видения – как курил перед сном, а девушка терпела эту вонь, прижималась к нему.

Пистолет привычно обретался в тумбочке под рукой. Краем сознания капитан помнил об опасности, надеялся, что успеет среагировать.

Бандитское подполье яростно сопротивлялось. В городе засели банды, окопались в норах, совершали дерзкие налеты на представителей власти. Убийцы могли посреди ночи вломиться в квартиру, перестрелять всю семью, а потом бесследно испариться. Такое случалось сплошь и рядом.

Раньше во Львове жили в основном представители трех наций. Теперь евреев здесь практически не осталось. Фашисты в одном лишь городе уничтожили больше ста тысяч представителей этого несчастного народа. Поляков убивали украинцы и тоже преуспели в этом. Выжившие бежали в Польшу. С независимым государством у ОУН-УПА не сложилось.

В опустевший город хлынули переселенцы. Теперь Львов был винегретом – русским, польским, молдавским.

Но ОУН с таким положением мириться не хотела. Теракты происходили практически каждую ночь.

Партийные и административные работники предпочитали селиться в окрестностях вокзала. Эта зона считалась особо охраняемой. Пустовали фешенебельные особняки у Стрыйского парка. Люди при должностях боялись в них селиться из-за угрозы нападения. Не пользовались успехом комфортные квартиры в Профессорской колонии. Многие считали, что селиться там – это курить на пороховой бочке, предпочитали жить скученно, скромно, но под защитой.

Улица Кирпичная в эту зону безопасности не входила. Нередко Алексей просыпался от выстрелов. Но бог его миловал, съемная квартира не подвергалась нападению.

Наутро он мучительно избавлялся от чар Морфея, вырывался из них как из объятий потного пьяницы. Карательная команда над душой не висела. Но и Нины не было.

Алексей пошарил рукой по кровати, поднялся, треща костями, заглянул во все уголки. Не было ни завтрака, ни Нины, ни ее вещей. А ведь сегодня выходной.

Потом он обнаружил записку на ее подушке и прочитал:

«Прости, родной, я больше не могу, еду обратно в Краснодар. Когда ты проснешься, буду в поезде. Уволилась с фабрики по семейным обстоятельствам. Извини, что не сказала. Нет сил, больше не выдержу. Надеюсь, с тобой все будет в порядке. Не ищи меня».

Он в панике метался по квартире, натянул штаны, носки, зачем-то вытряхнул из тумбочки пистолет. Быстрее на вокзал, возможно, еще не поздно!

Наспех одевшись, Алексей подбежал к двери, схватился за ручку и вдруг замешкался, застыл. Он с тоской посмотрел на замок, который лично усилил стальными скобами на случай недружественных визитов. К чему все это?

Душу его заглатывала пустота. Алексей оторвался от двери, вернулся в комнату, начал медленно разоблачаться. Пустота съедала его. Лекарство оставалось одно – водка. Он вытащил из кладовки початую бутылку, к которой не прикасался несколько месяцев, побрел на кухню,

где имелась посуда и немного еды. Налил до краев, медленно выпил, поволокся к окну, чтобы покурить в открытую форточку.

Кравец был безобразно пьян, когда кто-то постучал в дверь. Алексей дернулся, выронил стакан. Вернулась! А как же иначе! Он метнулся в прихожую, чуть лоб не разбил.

Но вместо девушки в квартиру с радостными возгласами вторглись оперативники его группы – старший лейтенант Максим Волков и Арсен Газарян, недавно окончивший ускоренные офицерские курсы. Он разочарованно выпустил пар, поволокся обратно к столу. Нет, капитан очень рад был видеть их. Особенное удовольствие ему доставляло то, что в ходе последних чисток его товарищи не пострадали.

– Красавец! – заявил русоволосый, спортивно сложенный Волков. – Пробы ставить негде.

– Вместо чая утром рано выпил водки два стакана, – заявил чернобровый Газарян и поставил на стол сумку, в которой что-то очень подозрительно звякнуло. – Вот какой рассеянный...

В голове капитана царил каша, подкашивались ноги. Зрение подводило его, товарищи расплывались. Они сегодня были в штатском, видимо, получили выстраданный выходной.

– Поднимите ему веки, – измывался Газарян. – И что с ним делать?

– Не знаю. – Волков пожал плечами. – Но пациент пока жив. Надо это использовать. Мы не уйдем, Алексей, даже не надейся. Только после того как поставим тебя на ноги. Марш в санузел, и чтобы пьяным не возвращался!

В этом доме имелся душ и даже дырка в полу для стока воды. Он мылся под жестким напором холодной ржавой воды. Стоял под ней, пока не начал покрываться коркой льда.

Когда Алексей вошел на кухню, наспех одетый, со стучащими зубами, процесс приготовления к трапезе уже завершился. Товарищи, конечно, явились не с пустыми руками. Вытертый стол венчала водка. В тарелках лежали котлеты, которые оперативники, похоже, утанули из офицерской столовой. Чистоплотный Газарян мыл нож, которым кромсал колбасу и огурцы.

– Вы в своем уме? – Алексей сглотнул.

Голова у него трещала как последняя сволочь.

– Да, – сказал Волков. – Проходи. Все нормально, мы контролируем ситуацию. Эту водку можно пить. Намедни связисты из штабного взвода выдули четыре бутылки и даже не подрались.

Алексей присел на краешек стула, словно просто так, на минутку. Товарищи пристально его разглядывали.

– И что мы тут сияем как кремлевские звезды? – сердито осведомился он.

– Посмотри на него, Максим, – заявил Газарян. – Вылитый малыш, потерявший маму на вокзале. Ешь, командир, тебе сегодня это надо. А мы пока выпьем. Если хочешь, присоединяйся. А сияем, поскольку рады тебя видеть здоровым и на свободе. Нет, серьезно.

Он жадно поглощал снедь, доставленную товарищами. От борща, сваренного Ниной, осталась грязная кастрюля, а больше она не готовила, видимо, заранее спланировала уход. Продукты оказались очень кстати. Возможно, не все так плохо? К нему медленно приходило чувство насыщения, и водка оказалась без дури.

– Да, мы любим поработать, особенно поесть, – проговорил Газарян.

– А я вот слышал, что по правилам этикета в левой руке надо держать вилку, а не котлету, – заявил Волков.

– А в правой что? – спросил Арсен.

– А в правой – нож.

– Нет, я не могу. У меня в правой пистолет.

Водка пила легко, и скоро Алексей опять захмелел. У него развязался язык, он нес какую-то чушь, жаловался на жизнь.

– Да шут с ней, с бабой, – отмахнулся Газарян. – Неприятно, не спорю, от таких выходов слабеет мужское самолюбие. Но ты и ее пойми – натерпелась девчонка. Будут другие, командир, не расстраивайся. Раз ушла, значит, не судьба. Высшим силам так угодно. Придет другая, жаркая, умная, красивая, с ней вы будете как два сапога пара! Вот ты с нас бери пример. Мы не спешим заводить себе постоянных боевых подруг, поскольку молоды, надеемся на возвращение домой. Верим, что где-то ждут нас те самые, единственные.

– Кстати, насчет высших сил. – Волков помрачнел, затем нагнулся, пошарил в сетке, обретающейся под ногами, и выудил оттуда вторую бутылку. – Нас ведь тоже допрашивали, когда тебя замели. Вызывали как свидетелей. Следователь пронырливый, ловил на нестыковках, придирался к каждому неверному слову. Его бы способности да в нужное русло. Вспомнил ту историю в Збровичах, когда ты проявил политическую недалекость и ухитрился переспать с дамочкой, засланной врагами. Требовал подробностей.

– Я тоже на днях с одной, – с улыбкой проговорил Газарян. – Хороша собой и тоже, как и та, напряженно трудится в библиотеке.

– Серьезно? И кто кого переспал? Будь поосторожнее с библиотечными работниками, – посоветовал другу Волков. – Знаешь, Алексей, мы врать не стали, с твоей пассией не были знакомы. Только слышали однажды через стенку, как ты урок преодоления половой безграмотности с ней проводил. Извини. Не везет тебе с бабами. Еще раз прости. В общем, резали сухую правду-матку, активно поминали твои боевые заслуги, героическую деятельность на фронтах и после. Вроде ясно дали понять, что если тебя репрессируют, то забирать нужно и нас, а заодно и половину расформированного Смерша. Арсен даже рапорт пригрозил накатать руководству областного управления госбезопасности. Следователь, падла, ухмылялся, постоянно что-то записывал.

– Осмелели фронтовики. – Алексей усмехнулся.

– Не без этого, – согласился Газарян. – Но ведь обидно, командир. Мы жизнью рисковали, диверсантов ловили, с бандитами бились, а тут приходят всякие тыловые сволочи, которые из автомата ни разу не стреляли, и корчат из себя мелких божков, вершителей судеб.

– Странно, но пронесло. – Максим пожал плечами и начал наполнять стаканы. – Не думаю, что этот гад нас испугался. Может, действительно времена меняются? В общем, наступил на тебя кто-то, командир.

– Кто-то, но не мы, – добавил Газарян. – Сам подумай, нам это зачем? Ты нас вполне устраиваешь. Уже три года живем душа в душу.

За это офицеры и выпили.

Алексей знал, что это не они. В противном случае он ничего не смыслил в жизни. Группа оперативников Смерша шла с ним по фронтам с сорок третьего года. Он доверял им как себе. Никто его не подводил. Он упрашивал начальство, дескать, позвольте мне работать только с ними, если хотите получить положительный результат.

Они прошли сотни километров прифронтовых дорог, искали лазутчиков, бились с диверсантами и регулярными частями вермахта, прорывавшимися из котлов. Белгород, Восточная и Западная Украина, Польша, Германия, Чехословакия.

Его бойцы выходили целыми из любых передраг, гибнуть стали лишь от рук боевиков УПА, к которым у них теперь был особенный счет. В сорок четвертом главарь банды Нестор Бабула застрелил Пашку Овчинина, а сам сбежал. В сорок пятом бандеровцы устроили засаду на дороге, убили Файдулина. Они прикончили в больнице раненого Малашенко.

Год прошел, и от всей опергруппы остались только эти двое – Газарян с Волковым. Он выпросил их у начальства, пристроил к себе. Ведь надо в этом мире кому-то доверять!

Офицеры не возражали. Служба в большом советском городе, пусть и со странной спецификой, куда предпочтительнее, чем в негостеприимной и чужеродной Польше.

– Сам не догадываешься, кто на тебя донес? – спросил Волков.

– Да чтоб я так знал, как я не знаю, – проворчал Алексей.

Трясая в пальцах наполненный стакан. Приехали, товарищ капитан, превращаетесь в алкоголика. Его опять несло, он крыл кого-то матом, грозился оставить службу. Не важно, что при этом имелся реальный шанс поехать на Колыму, а не в родной Ленинград. Хорошо, что хоть в драку не бросался. Но товарищей изрядно разозлил.

– Заткнись и слушай, что скажут умные люди! – заявил Волков. – Все будет хорошо, командир. Мы при деле. Снаряд дважды в одну воронку не падает. Выбрось из головы свою бабу и несостоявшуюся отсидку. Не раскисай, возьми себя в руки. Закончится очередная посадочная кампания, будем нормально работать. Она уже позади. Уцелели в войну, переживем и эти неурядицы. Ты просто выпил и ни хрена не соображаешь.

Он не помнил завершения банкета. Куда подевались эти два мудреца? Добрел до кровати, завалился мертвым, в чем был.

Утром его вытряхнул из койки громовой стук в дверь. Он сел, ошарашенный, опухший донельзя. Бандеровцы так не шумят. Нина Верещагина тоже не будет. Свои вернулись, сетку забыли? Тоже вряд ли. За окном набирал обороты солнечный день.

– Капитан Кравец, вы дома? Немедленно откройте! – донесся рассерженный голос.

В принципе, ему было безразлично. Он дотащился до двери, кое-как отвел створку.

– Что у вас за вертеп? – В квартиру вошел капитан со смутно знакомым лицом. – Почему вы не вышли на службу, Кравец? Немедленно собирайтесь, вас ждут в управлении. – Он помедлил, смерил неприязненным взглядом похмельного героя, на всякий случай козырнул и назвал: – Капитан Гуляев, офицер по особым поручениям.

Мальчик на посылках, проще говоря. Даже несколько таких. В квартиру с любопытством заглядывал автоматчик с лычкой ефрейтора.

«Не арест, – сообразил Алексей. – А что тогда?»

– Подробности, капитан?

– В трибунале будут подробности, – не сдержался Гуляев. – Торопитесь, Кравец. Машина у подъезда. Это возмутительно, товарищ капитан!

Он мог бы ответить достойно, но не стал. Надевать форму в его состоянии было глупо. Одна щетина чего стоила. Брюки из шкафа, рубашка, жилетка, пиджак. Остались еще чистые тряпки в этом доме. Алексей торопливо поводил щеткой по ботинкам под нетерпеливым взором капитана.

Это действительно был не арест. Спустя пятнадцать минут он с гордо поднятой головой вошел в кабинет полковника Кускова. В предбаннике у него зачесалась спина от изумленного взгляда секретарши.

Полковник носил френч без ремня со стоячим воротником, видимо, брал пример с генералиссимуса товарища Сталина, пышные галифе. Уже немолодой, грузный, с оплывшим лицом.

«Почки, – моментально определил Алексей. – Не пьянство».

Отец-командир прохаживался по ковру, выказывая все признаки нетерпения. На стуле у дальней стены, закинув ногу за ногу, сидел ненавистный капитан Желтухин и с интересом смотрел на визитера.

– Товарищ полковник, капитан Кравец по вашему приказанию...

– В чем дело? – перебил его Кусков. – Где ваша форма, бритый уставной лик? Почему не выходите на службу? Прикажете ежедневно посылать за вами курьера с просьбой выйти на работу? Что это за запах? – Он поморщился.

– Это водка, товарищ полковник, – объяснил Алексей. – Употреблена по причине освобождения из камеры предварительного заключения за неимением улики и состава преступления. Надеюсь, это недоразумение, товарищ полковник. Капитан Желтухин дал мне два дня

на оздоровление и реабилитацию. – Он покосился на помянутого мерзавца, который широко зевнул и поменял ноги.

По-видимому, в этом кабинете тот не чувствовал душевного дискомфорта.

Полковник начал багроветь, но передумал. Видимо, у него имелись куда более важные дела.

– На оздоровление, но не на пьянство, – с усмешкой проговорил Желтухин. – Вы уверены, товарищ полковник, что это именно тот человек, который нам нужен?

– Ладно, помолчи, без тебя решу, – буркнул Кусков, пристально посмотрел на Алексея и осуждающе качнул головой. – Ладно, капитан, присаживайтесь.

Алексей сдержанно поблагодарил, пристроился на край стула. Полковник прохаживался над душой, всунув пальцы, кроме больших, в боковые карманы френча.

– Примите извинения, Кравец, за то, что угодили под арест по необоснованным обвинениям, – неохотно выдавил из себя хозяин кабинета. – Это была глупость, кое-кто перестарался. – Он снова бросил косой взгляд на Желтухина. – Мы знаем, где искать врагов.

Алексей сдержанно кивнул.

«Невероятно! – подумал он. – Начальник управления приносит мне извинения. Наверное, понимает, что и сам может оказаться в подобной ситуации. Приедет воронок, и адью. Прибытие этого транспортного средства несколько не зависит от заслуг, реальных и мнимых, правительственных наград, щенячьей преданности делу Великой Октябрьской социалистической революции».

– Ты же знаком с Бабулой, капитан? – вдруг спросил полковник.

Алексей вздрогнул, но не от того, что Кусков перешел на «ты».

– В каком смысле, товарищ полковник?

– Нестор Петрович Бабула, – медленно повторил Кусков. – Один из главарей бандитского подполья.

– Да, товарищ полковник. Лютый враг нашей страны. Я ловил его дважды. В сорок четвертом удалось расправиться с его бандой, но сам Бабула ушел. Летом сорок пятого мы накрыли его логово в Хованских лесах. Банду уничтожили, Бабулу я взял лично. Его отправили в Троепольск, в следственный изолятор, оттуда во Львов. Дело передали НКГБ, следствие затянулось. Я наводил справки. В апреле текущего года он еще сидел в изоляторе госбезопасности в Станиславе, с ним работали следователи, собирали информацию по его связям в Западной и Восточной Галиции.

– В мае он сбежал, – сообщил Кусков. – И до сих пор в розыске.

Алексей оторопел. Холодная ящерица поползла по его спине. Он повернул голову, как-то беспомощно глянул на Желтухина. Тот равнодушно пожал плечами.

– Это, разумеется, не ваша беда, – развивал тему Кусков. – Виновные в халатности уже понесли суровое наказание.

– Моя вина в том, что я об этом ничего не знал, – пробормотал Алексей, опуская голову.

– Данная информация не афишировалась, – подал голос Желтухин. – Первое время Бабула грамотно скрывался. Розыск по горячим следам ничего не дал.

– Как он сбежал?

– Перевозили из Станислава во Львов, – сказал Желтухин. – Только выехали из города, и бандиты подорвали обе машины. Заключенного, ввиду его важности и опасности, сопровождали двенадцать человек, имевших автоматическое оружие. Но бандитов было больше. Они весь конвой расстреляли на открытом месте как куропаток. Вместе с Бабулой боевики забрали неких Ковалю и Филиппенко, влиятельных деятелей ОУН и УПА. Обоим, как и Бабуле, светил расстрел. Вся компания растворилась в лесу. Искали с собаками, со спецсредствами, но безуспешно.

– У него же счета к тебе? – вкрадчиво осведомился Кусков. – Он ведь знает тебя, Кравец? А натура, люди поговаривают, у него мстительная.

– Еще и умная, – заметил Алексей. – Согласен, товарищ полковник, этот демон падок на месть. Он знает меня, надеюсь, еще помнит. Но рассудителен, хитер и расчетлив. Хотите использовать мою персону как живца? Посадить на открытом месте и месяцами ждать, пока Бабула придет за реваншем?

– Нет, об этом речь не идет, – ответил Кусков. – Мы не располагаем таким вагоном времени. По агентурным данным, Бабула окопался в Постычевском районе. Это юг Прикарпатья, предгорья. Постычев – заштатный городок, не имеющий стратегического значения. Железнодорожная ветка через Рошмень и Каргополь проходит севернее. Приличных шоссе в районе нет. Разбитая дорога из Рошменя на Мухослав тянется через Постычев. До границы с Польшей несколько десятков километров. На юге предгорья, на севере леса. Полтора десятка сел. Люди Бабулы ходят через границу как по бульвару, свинячат то у нас, то в Польше.

– У Бабулы, оказывается, есть семья, – заявил Желтухин. – Баба и маленький ребенок, кажется, девочка. При немцах он спрятал их на Житомирщине, там они и сидели до последнего времени. Когда бежал, перевез жену и дочь через польскую границу и спрятал на той стороне. Сам вернулся и опять занялся любимым делом, борьбой с Советской властью. С этой стороны на Бабулу не выйти. Свое семейство он зарыл надежно.

– Полагаете, он сидит в схроне и ждет, пока его накроют? – проворчал Алексей. – Бабула может с таким же успехом уйти в Польшу и уже не вернуться. Что его держит в Постычевском районе? Обоснуется где-нибудь на Западе, будет тренировать диверсантов, писать мемуары, вспоминать, как душил комиссаров и зазевавшихся чекистов. Однажды он должен понять, что борьба бессмысленна.

– Его держат здесь деньги западных покровителей и приказы вышестоящего начальства, послушаться которых Бабула не может, – отрезал Кусков. – Английская и американская разведки усиленно поддерживают миф о так называемом часе Икс, когда СССР и Запад сойдутся в прямом противостоянии и банды УПА погонят Красную армию на восток. Полная чушь, но она поддерживается листовками, литературой, деньгами. Западные эмиссары постоянно шастают через границу, месяцами сидят в подземных бункерах, получают разведанные о дислокации наших частей, коммуникациях, инфраструктуре, настроении населения. Есть сведения, что Бабула получил приказ Шухевича – оставаться в этом районе. Если присмотреться, то поймешь, что место не простое. Рядом польская граница, через которую поступают деньги, оружие и подкрепление. На юге горы, где можно спрятать не одну армию. Двадцать верст до железной дороги, обслуживающей половину Западной Украины. Бабула прячется в предгорьях. Банды, которые он контролирует, насчитывают несколько сот активных штыков и разветвленную сеть агентов в населенных пунктах. Сам он может ходить через любую границу, но тут его вотчина. Много полей с картошкой и пшеницей, значит, меньше проблем с добычей провианта. Где именно спрятался Бабула, никто не знает. Наша власть на той территории держится на честном слове.

– Разрешите, товарищ полковник? – Алексей глубоко вдохнул, набираясь храбрости. – Вы же не просто так вызвали меня в этот кабинет?

– Ты прав. – Кусков кисло улыбнулся. – Родина снова ставит перед тобой сложную задачу.

– Выполнять которую вам не привыкать, – заявил Желтухин.

– В общем, сдавай, капитан, все дела, решай в течение суток вопрос с квартирой. Родина отправляет тебя в Постычевский район руководить отделом МГБ, начальника которого несколько дней назад бандиты повесили на березе. Ты обязан ликвидировать тамошние бандформирования, взять Бабулу живым или мертвым. На возвращение во Львов пока не рассчитывать. Отныне это твой район, тебе и поднимать в нем мирную жизнь совместно с тамош-

ним партактивом. Догадываюсь, как ты хочешь в родной Ленинград, но пока с этим придется повременить. Мы не армия, чтобы думать о демобилизации. Улавливаешь мысль?

Алексей ожидал услышать что-то подобное. Странно, но в душе у него ничего не шевельнулось. Там было пусто.

– Там хорошо. – Физиономию Желтухина перекосила издевательская гримаса. – Ни фабрик, ни заводов, никакого шума. Только свежий воздух, цветы, клевер. Сказка, капитан. Живи да наслаждайся.

– Я понял, – сухо отозвался Алексей. – Завтра утром выезжаю. Надеюсь, все бумаги будут готовы. Мне нужна моя группа, товарищ полковник. Это Волков и Газарян. Если вы, конечно, заинтересованы в положительном решении вопроса.

– Дерзкий ты тип, Кравец. – Щеку полковника повело куда-то на сторону. – Может, тебе еще ковровую дорожку расстелить? Ладно, я распорядюсь, будете соображать там на троих. Еще вопросы?

– Разрешите выполнять, товарищ полковник?

– Да, иди.

Глава 2

Он стоял у ободранного окна, переклеенного изолентой, и задумчиво смотрел во двор районного отделения МГБ. Перед домом росли молодые тополя и солидные клены, закрывали вид. В прорехах желтеющей листвы проглядывали сараи, небольшая беседка, хилый забор.

За противоположным окном кабинета, расположенного на втором этаже, тоже не было ничего интересного. Алексей успел обойти вокруг здания. Такой же забор, бледное подобие клумбы. За оградой тянулась улица Голубца, главная артерия райцентра Постычев.

– Странно, – сказал Газарян, изучая облезшую табличку. – Зачем назвали улицу именем еды?

Они прибыли в райцентр полтора часа назад. Сейчас заходило солнце, сумерки укладывались на землю.

Доехали за пять часов, почти без приключений. «Газик» кочевряжился лишь дважды. Оба раза пришлось заливать в мотор остатки масла из проржавевшей канистры.

В районе железнодорожного переезда у Бродного путники встали надолго. Бандеровцы подорвали грузовик со стройматериалами, искореженные остовы полуторки и прицепа перегородили проезд, собралась очередь. Объездных дорог не было. Всем пришлось ждать, пока из ближайшего села подойдет трактор и сгребет дымящееся железо в кювет.

Райцентр оказался компактным, скученным. Несколько параллельных улиц, связанных переулками. Свалка на западной окраине, кладбище на восточной. Несколько трехэтажных зданий в центре, все остальное – частный сектор.

Зелени в городке было больше, чем в лесу. Кругом плодовые деревья, кустарники, бурьян, выползающий из оврагов.

Алексей резко повернулся, отошел от окна.

Кашлянул невысокий лысоватый мужчина в куцей безрукавке и ватных штанах. Он сидел за столом ближе всех. Первый секретарь райкома партии товарищ Воеводин. На боку у коммуниста висела кобура, что было, безусловно, разумно. Советская власть в районе, возможно, и существовала, но слишком многие люди отказывались в это верить.

– Я понял вас, товарищ Воеводин. – Алексей вышел из задумчивости. – Районный парт-актив в плачевном состоянии. Нет ни денег, ни людей. На руководящую работу выдвигают приезжих, вроде вас. Кстати, что за история приключилась с инкассаторами?

– Деньги везли для бюджетных организаций, – подал голос долговязый мужчина с вытянутым лицом, капитан Пархоменко, начальник районного уголовного розыска. – Это на прошлой неделе было. Для обеих школ, больницы, мехмастерских, мелькомбината. В логу на Гусиной Тропке подкараулили машину, забросали гранатами, потом не поленились собрать разлетевшиеся купюры. Кровавые были деньги в буквальном смысле. От четверки сопровождающих только части тел остались. Родные опознали их с трудом.

– Хреново. – Алексей вздохнул и оглядел людей, присутствующих на совещании.

В комнате, украшенной портретами Ленина и Сталина, потихоньку темнело. Обстановка в кабинете покойного начальника отдела МГБ Толмачева была спартанская – длинный стол, лавки, прямоугольный сейф.

На стульях у стены с отсутствующим видом восседали Газарян и Волков, одетые по форме.

Подтянутый молодой лейтенант с темно-синими петлицами МГБ и медалью «За взятие Будапешта», представившийся исполняющим обязанности начальника отдела Субботиным, потянулся к настольной лампе. Включился тусклый желтый свет. По лицам людей заскользили сумрачные тени.

– Хорошо, товарищи, будем считать, что познакомились, пусть и не при самых радостных обстоятельствах, – сказал Алексей.

Под лопаткой у него что-то сжалось. Ему захотелось уйти подальше от окна, что он и сделал. Садиться не стал, прохаживался по комнате.

– Надеюсь, мы с вами сработаемся. Виктор Ильич, что произошло с моим предшественником?

– Убили его, – проворчал лейтенант Субботин. – На рыбалку поехал Алексей Вениаминович. Предупреждали его, что не стоит этого делать, но разве объяснишь? Не так уж часто у нас выходные. Он был не один, со Степаненко, вторым секретарем, заместителем Павла Денисовича. – Субботин покосился на помрачневшего Воеводина. – Мотоцикл горючкой заправили, сунули удочки в люльку и вперед, на Карач. Это за леском на востоке, версты три. Оружие с собой взяли. Не помогло. Мы знали, куда они подались. К вечеру не вернулись – я отправил на «газике» группу сотрудников. Те тоже в засаду попали, поджидали их бандеровцы. Такой шум стоял, что в райцентре было слышно. Пока солдаты подтянулись, уже все кончилось, бандиты ушли. Этих бедолаг, Толмачева и Степаненко, они повесили. Трое сотрудников погибли, двое насилу выжили. Раненные вдоль и поперек, но отбились от бандитов, держались, пока солдаты не прибыли. Бандеровцы в лесу скрылись. Наши пытались идти по их следу, но вы сами понимаете...

– Детский сад какой-то. – Алексей разозлился. – Вроде взрослые люди, не первый год замужем, прекрасно знаете, что происходит в районе.

– Так-то оно так, Алексей, – сказал Воеводин. – Но очень уж наш капитан рыбалку любил. Да и Степаненко. Оно ведь как происходит? Про других мы все знаем, советы любим давать. А когда себя касается, забываешь про все, думаешь, ладно, авось пронесет. Трудно представить себя мертвым, верно, Алексей?

– А комендант на чем погорел? – спросил Алексей. – Когда это случилось? Тоже залез, куда не стоило?

– Не очень красиво закончил свой путь наш комендант, – смущенно проговорил Пархоменко. – Спозаранку в сортир пошел, заперся. А бандиты ждали, давай палить с двух сторон, изрешетили весь скворечник. Наши прибежали, а Елизар Матвеевич уже преставился. Прямо на толчке. А эти твари как сквозь землю провалились. Наверняка местные спрятали. Прочесали все дворы в округе, не нашли. Не расстреливать же весь этот долбаный городок!

– Хорошо, я понял. Чем мы располагаем здесь, в райцентре, для выполнения задачи?

– Расклад сил не в нашу пользу, товарищ капитан. – Субботин соорудил трагическую мину. – Время считается мирным, регулярных войск в районе практически нет. Формально в гарнизоне два взвода плюс неукомплектованный комендантский. Мы можем контролировать лишь один квартал в центре городка. По остальной территории бандеровцы шляются как по своему подворью. Солдат постоянно куда-то увозят. Они охраняют пакгаузы на станции Рошмень, когда эшелоны разгружаются, стоят в оцеплении во время проведения операций в Каргополе и Винничах. Сейчас их опять увезли – приказ гарнизонного начальства в Мухославе. Просто вредительство какое-то! Собирают красноармейцев с миру по нитке. Впрочем, обещали вернуть к ночи хотя бы отделение. На данный момент в Постычеве с десятков бойцов комендантского взвода. Все они ждут демобилизации. Важные объекты охраняют милиционеры и низовые сотрудники МГБ. Их около дюжины. Поспать удастся редко. – Субботин тяжело вздохнул. – С такой работой год за сто должны давать, – пошутил он. – Все ответственные работники в районе – приезжие, местным доверия нет. Пытались собрать истребительный отряд. Эти ястребки в первую же неделю передрались, постреляли друг друга, а те, кто выжил, в лес к бандитам подались.

– Это точно Бабула?

– Он самый, – подтвердил Пархоменко. – Люди видели его. Он лично на зверства выходит, когда ноги затекают в схронах сидеть. До лета район контролировал другой бандюган, некий Мыкола Асташный. Люди Бабулы его пристрелили. Имеется подозрение, что по личному распоряжению Шухевича. По некоторым сведениям, Асташный намеревался прекратить вооруженное сопротивление и бежать на Запад. Мужик был неглупый, понимал бесперспективность. Кто-то заложил его, и Бабула, сбежавший из тюрьмы, оказался очень кстати. В его распоряжении до двухсот активных штыков. Основная часть отряда обретается на юге – за болотами и озером Щучым. Там предгорья, местность скалистая. Тайные тропы знают только бандиты и их приспешники. Легко прятаться и менять диспозицию. Схроны можно и не рыть. Под скалами имеются извилистые пещеры естественного происхождения. Остальные разбиты на отряды, прячутся вблизи сел. Связь между группами осуществляют местные жители. Зачастую это женщины, дети, пенсионеры, которых хрен заподозришь.

– О схронах никакой информации?

Субботин невесело усмехнулся и ответил:

– Еще при Толмачеве добыли информацию о бункере Гаврилы Скорняжного, расположенном в полутора верстах от Тяжгорода. Прибыли оперативники из Станислава. Бункер оцепили, когда вся банда ушла на промысел. Потравили газом крыс и тараканов. Потом сообразили, что в подземелье пусто, стали ждать. День просидели, два. Скорняжному, наверное, агенты донесли, что дома его поджидает сюрприз. Он решил не нарываться, вышел со своими людьми к Гачевке, пересек шоссе и двинулся в горы. Банду дважды засекали, пока она шла, но все принятые меры оказались напрасны. В селе Сарцы они сожгли колхозные амбары, расстреляли трех работников МТС и взорвали несколько единиц сельскохозяйственной техники.

– В Каргополе в июле вырезали весь партийный актив, – подал голос секретарь Воеводин. – Не пощадили даже двух девушек-комсомолок, надругались над ними, потом отсекали конечности, а то, что осталось, на телеграфных столбах повесили.

– В Кляево та же история, – проворчал Пархоменко. – Товарищ Лацис – он из латышей, сознательный, убежденный большевик – возглавил поселковый совет, наладил работу, поднял совхоз на ноги. Люди к нему тянулись, бандиты побаивались, потому что он всегда пулемет с собой возил, и вообще мужик был решительный. Бандеровцы выжидали, пока он даст промашку. Только Лацис семью сюда перевез, сразу атаковали. Всех уничтожили ночью – жену, одноногого отца, троих детишек мал мала меньше. Лацис из заблокированного дома отстреливался, так они его даже штурмовать не стали, подожгли с трех сторон и спокойно ждали, пока он в дыму задохнется.

– Подобный случай в Яворах с товарищем Санниковым, – проговорил Воеводин. – В селе Валява прямо на рабочем месте зарубили топором товарища Разбойко, агронома из Чернигова. В Постычев не побоялись ночью зайти, схватили Наума Наливайко с братом – оба работали в райисполкоме, – поставили лицом к отхожей яме, выстрелили в затылок и сбросили. Просто конвейер какой-то по уничтожению кадров, выдвинутых на партийную и советскую работу.

– Так ведь и своих галичан не щадят, – сказал Субботин. – Ясно, что диктатура пролетариата пришла навсегда, двух мнений быть не может. Дело даже не в пропаганде, а в реальном положении вещей. Только человек, оторванный от жизни, может мыслить иначе. А эти бешеные псы продолжают нападать на колхозные и совхозные конторы, МТС, предприятия, где трудятся местные жители, расстреливают без разбора. Уже три года запугивают людей, которым надо где-то работать, чтобы выжить. В Каргополе атаковали военкомат. Четверых новобранцев поставили к стенке, всю родню, которая провожать пришла, нескольких сотрудников.

– Пару недель назад Бабула лично на казнь в Валяву прибыл, – вспомнил Пархоменко. – Село маленькое, недалеко от гор. Там актив был небольшой, четыре человека. Всех и накрыли, когда они в конторе сидели, соцобязательства расписывали. Целый день бандиты хозяйничали

в селе, а мы даже не знали. Гонец побежал к нам, так его бандиты перехватили и до кучи на казнь отправили, несмотря на малолетство. Всех жителей согнали, Бабула перед ними на жеребце красовался. Соорудили плахи на скорую руку, топорами головы несчастным рубили, как в Средневековье. Бабула речь толкнул. Мол, так будет со всеми иудами, примазавшимися к большевикам. Кто поддерживает хлопцев из леса, тот может спать спокойно. Скоро огромное национально-освободительное войско перейдет в наступление, погонит большевиков с исконной украинской земли, дойдет до Москвы, до Ленинграда. Пьяный был Бабула, вот его и понесло. Люди стояли, смотрели. Что им еще делать? При Бабуле какой-то тип был, вроде иностранец, одет не по-нашему, рожа не наша, изъяснялся по-английски. Скромный такой, неразговорчивый. Когда казнить людей начали, свинтил за угол, отсиживался где-то. Видимо, застенчивый или покойников боится. Мы так думаем, что это эмиссар с Запада, представитель английской или американской разведки. Прибыл, чтобы проконтролировать, как расходуются средства, выделяемые националистам. Видимо, все нормально, борьба с заразой большевизма в разгаре, можно финансировать.

– Они потом уходить не хотели из Валявы, – заявил Пархоменко. – Взвод с пулеметами пошел на них, так они крестьянами стали прикрываться, к скалам отходили. Затем выяснилось, что гумно заминировали, овчарню.

Наступила тишина.

Ничего нового Алексей не услышал. С подвигами бандитов он был знаком не понаслышке. Ехидная рожа Бабулы стояла перед глазами капитана. Уже не актуально брать его живым, надо уничтожить гнойник!

Несколько минут в неудобном помещении царило безмолвие. За окном темнело.

– Товарищ капитан, разрешите спросить?.. – как-то неуверенно начал Субботин, покосившись на членов опергруппы.

Они не расставались с автоматами «ППШ» и пока помалкивали.

– Говори, лейтенант, – разрешил Алексей.

– До нас дошли слухи, что вы находились под арестом во Львове... – Субботин смущенно кашлянул.

– И что? – Алексей резко дернулся. – Слухи, говоришь? Сорока на хвосте принесла? Давайте сразу устраним кривотолки и недопонимание. Я действительно находился под арестом по ряду ложных обвинений. Информация о том, что ваш покорный слуга является врагом народа, как ни странно, не подтвердилась. Официальные лица принесли мне извинения. Есть еще вопросы на трепетную тему? Вас что-то смущает, товарищ Субботин?

– Прошу простить, товарищ капитан, я должен был спросить. – Физиономия Субботина покрылась пятнами.

– Вы спросили, я ответил. Можем продолжать беседу?

Газарян украдкой усмехнулся. Максим Волков сделал выразительный жест. Мол, не выходи из себя, командир.

Местные товарищи помалкивали.

– Сделаем предварительные выводы, товарищи. С противодействием бандитскому подполью в районе туговата. Работа не налажена, попытки минимизировать потери и сесть на хвост бандитам смехотворны. Схроны не выявлены, каналы снабжения банд – тоже, хотя такую ораву явно надо кормить, одевать и вооружать. Бандитских связников никто не ищет.

– У нас есть на подозрении несколько человек, – сказал Пархоменко. – Не исключено, что председатель колхоза в селе Выжиха, которое примыкает к райцентру с юга, сотрудничает с бандеровцами. Доказательств мы пока не имеем, работаем в этом направлении.

– Хорошо. Своими подозрениями насчет предателя-председателя вы поделитесь позднее. Составите список лиц, у которых рыльце в пушку. Что еще известно? Можете поделиться предложениями?

Все молчали.

– Понятно. – Алексей усмехнулся. – Хорошо, что не изображаете энтузиазм. Субботин, есть карта района?

– Да, конечно, товарищ капитан. Знаете... – Он как-то поколебался. – Возможно, не все так плохо, как вам кажется, и мы найдем, за что зацепиться. Покойный капитан Толмачев не был болтуном, даже от коллег часть своей работы держал в тайне. За день до гибели он поставил меня в известность, что теперь у него есть источник информации в окружении Бабулы.

– Вы только сейчас решили это сказать?

– Понимаете... – Субботин опять замялся. – Личность своего человека Толмачев не раскрыл, даже коллегам боялся доверять. Но он сообщил мне пароль для связи: «В Синявице картошка знатная уродилась, нужна пара подвод, чтобы вывезти». Отзыва нет. Предполагается, что агент будет знать того человека, с которым связался. В общем, сильно осторожничал Алексей Вениаминович.

– И этот осторожный человек безрассудно подался на рыбалку. – Алексей покачал головой.

– Так знать бы, где упасть. – Субботин пожал плечами. – Уж наверняка соломки бы набросали. – Он встал и направился к сейфу.

Алексея что-то толкнуло. Не стой спиной к окну! Сейчас произойдет беда! Интуиция запоздала. Все же ноги сработали, когда за спиной разбилось окно и в комнату влетел рубчатый металлический шар.

– Все на пол! – заорал он дурным голосом, оттолкнулся пятками и полетел за сейф.

Лимонка рванула с оглушительным треском. Под градом осколков посыпалась дощатая облицовка, рухнул стол, у которого подломились ножки, полетела штукатурка. В дыму кричали люди, кто-то зацепил перевернутый стул, с грохотом повалился.

Было трудно дышать, першило в горле. Голова кружилась, упругая боль колотила в лобную кость. Но и все. Алексей сообразил, что цел. Рядом с ним валялся чей-то автомат. Он схватил его, куда-то покатился.

– Все из комнаты, быстро! – истошно прокричал Пархоменко.

С улицы били автоматы, пули крошили слабые деревянные конструкции, превращали в труху потолок. Мимо кто-то протопал, изрыгая мат. Алексей споткнулся о распростертое тело, едва вписался в дверной проем, затянутый дымом. Стены в углу помещения были забрызганы кровью. Ноги его подкашивались, он рухнул на колени, рывками передвигался вдоль стены.

«Сейчас прилетит вторая граната!» – мелькнула шальная мысль.

Он заставил себя подняться, полетел в проем, запнувшись о порожек. Кто-то схватил его под руки, резко выдернул, словно крупную рыбу из воды. В комнате снова прогремел взрыв. Заложило уши. Трещали, осыпались межкомнатные перекрытия. За окном залихватски свистели, ржали бандиты, гремели автоматные очереди.

Надо возвращаться, спасти людей. Вдруг остались живые?

Он с ревом бросился обратно в кабинет. Все тот же доброжелатель схватил его за шиворот, поволок назад, в коридор.

– Командир, не дури, забудь! – страшно проорал Газарян, оборванный, весь измазанный гарью. – Уходим!

Голова Алексея худо-бедно начинала вставать на место. Только челюсть сводило да в глазах плясали круги.

Коридор, выход на галерею второго этажа. Кто-то топал перед ним. Капитан Пархоменко! Он тоже не потерял автомат, выбежал на галерею, рухнул за перила. С высоты открывалась входная дверь, которая уже упала от взрыва гранаты, заложенной под нее.

Алексей повалился рядом с Пархоменко, рвал затвор срывающейся рукой. Газарян покати́лся куда-то дальше, распростерся у ступеней, выставил ствол. Помещение очень быстро наполнялось гарью. Трещали автоматы.

В дверь влетела еще одна граната, обычная наступательная. Она никому не причинила вреда, осколки ударили ниже. Но дым маскировал неприятеля.

Из него выскочили двое мужчин, покатались в разные стороны. С руганью подскочил Пархоменко, принялся долбить из «ППШ», перегнувшись за перила. Стрелял короткими очередями Газарян. Алексей тоже пару раз нажал на спусковой крючок. Темнело, видимость была отвратительная.

Известка посыпалась за шиворот Пархоменко. Враги стреляли из окна, из разбитого дверного проема, но пока без толку. Алексей подлетел, схватил его за шиворот, оттащил. Оба повалились на пол.

– Капитан, что за херня? – прокричал Алексей.

– Бандеровцы, мать их за ногу! – гаркнул Пархоменко. – Подкараулили, суки! В райцентре с десятков бойцов, да и те на постах, сразу не придут! Это в твою честь салют, товарищ Кравец. Видно, что земля слухами полнится.

Да, Нестор Петрович Бабула очень любил капитана упраздненного Смерша.

– Обрати внимание, они в нашей форме! – проорал Пархоменко, стараясь перекрыть треск пальбы.

Алексей уже видел это.

В холл ворвались еще двое фальшивых красноармейцев. Они стреляли на ходу, перемещаясь зигзагами. Защитники здания вновь припали к перилам, щедро рассыпали пули. Внизу раздался вопль. Кусочек свинца кого-то нашел.

«Не удержаться, – мелькнула мысль. – Они же и в другие щели лезут!»

Первый этаж тут же наполнился топотом.

– Гаси проклятых москалей!

Прогремел взрыв на лестнице. Газарян успел откатиться, спешил к товарищам. В дверь опять кто-то лез, бандиты разбежались по холлу, прятались.

– Капитан, есть запасной выход? – прокричал Алексей.

– Только трубы водосточные.

Пархоменко прыгнул к перилам, упер приклад в плечо. Он бил короткими очередями, направляя ствол то в одну, то в другую сторону. Вряд ли Пархоменко мог нормально целиться в дыму. Но кто-то метался, в ответ раздражалась злая трескотня. Врагов было не меньше десятка. Изначально они рассчитывали на скорую победу.

Оттащить его повторно Алексей не успел. Бандиты ударили из всех стволов. Несколько пуль сразили храброго капитана уголовного розыска. Он задергался, выронил автомат, машинально схватился рукой за перила. Балясина подломилась, не выдержав веса, и Пархоменко повалился вниз.

Алексей упал ничком. Где-то в стороне Газарян крыл ядреным матом проклятых бандюков.

Холл наполнился торжествующими криками. Несколько человек бросились к лестнице, затопали наверх.

Бешенство обуяло офицеров. Они разом поднялись и поливали из автоматов, пока не иссякли патроны в дисках. Атака захлебнулась. Двое или трое гадов покатались по ступеням, остальные залегли. Кто-то побежал обратно, грохоча сапогами.

– Получили, черти! – выкрикнул Газарян. – Ну, подходи, кто там еще!

Автоматы опустели, пришлось их выбросить. Снова загремели рваные очереди.

Алексей прижался к стене рядом с лестницей, рвал застежку кобуры непослушными пальцами. Полная обойма в «ТТ» и еще две запасных – некоторое время можно продержаться.

Газарян припал к противоположной стене, чумазый как черт, волосы дыбом. Его трясло, он облизывал губы, пытался растянуть в улыбке одеревеневшие мышцы.

– Что, командир, повоюем еще? – прохрипел Арсен.

Коридор был небольшой, метров восемь в длину. Напротив, за лестницей, – такой же, с взорванным кабинетом. Две двери в конце, окно на боковой стороне.

– Уходим! – приказал Алексей. – Нам лестницу не удержать. Сейчас гранаты начнут бросать.

За углом уже перекликались люди, медленно поднимались по лестнице. Эх, хоть бы одну гранату!.. У противника нехватки упомянутых боеприпасов не было.

Офицеры оторвались от стены, припустили по коридору, когда очередная граната влетела наверх и запрыгала по полу. Они рухнули, не сговариваясь, заткнули уши. Разлетелись осколки. Тесное пространство тонуло в клубах порохового дыма. Загорелась открытая проводка на стене, посыпались искры.

Оба лежали на полу, когда очередная шайка демонов полезла в коридор. Они стреляли из пистолетов, не поднимаясь, слышали, как визжат в дыму подстреленные бандиты. Кто-то шмыгнул обратно за простенок.

Кто-то выставил автомат за косяк, выдал очередь, не видя цели. Пули взломали половицы рядом с рукой Алексея. Он куда-то полз, оборачивался, стрелял. Рядом кряхтел Газарян, надрывно кашлял. Приближалась дверь в конце коридора.

– Арсен, давай! Я прикрою.

Газарян кинулся вперед. Алексей лежал на спине и стрелял, не давая противнику высунуться.

– Командир, давай! – Газарян уже влетел в комнату, распростерся на пороге.

Он смутно понимал, что это западня, но другого выхода не было. На открытом месте их рано или поздно сделают. Хлопал «наган» Газаряна, Алексей бежал, пригибая голову. Тот откатился, когда он ринулся в проем. Кравец влетел внутрь, споткнулся и больно ударился головой. Газарян избавлялся от последних патронов, целился, закусив губу, а Алексей ползал, собирая себя по крохам. Не сломал бы чего-нибудь жизненно важного.

– Алексей, ты в порядке? – спросил товарищ.

– А что, без этого никак? – У него еще оставались силы шутить!

Он вставил последнюю обойму. Как-то быстро подходит к концу все хорошее. Капитан высунулся, произвел пару выстрелов и тут же вкатился обратно, спасая кожу.

– Шальные пули, командир? – К физиономии Газаряна приклеилась страшноватая улыбка. – Ты их бойся. Они, как и шальные бабы, особо не разбираются.

Оставалось только смеяться. Бандиты заблокировали их в дальней комнате второго этажа, в которой больше не было никаких дверей, вообще ничего, кроме окна на дальней стороне.

Они высовывались по очереди, стреляли. Противник накапливался на лестнице. По полу прокатилась граната, но взрыв теперь мог навредить только зданию.

Появился первый смельчак. Советская форма на рыжем детине сидела криво. Он перебежал к противоположной стене, плюнул очередью по коридору.

Алексей выстрелил дважды. Громила вздрогнул, повалился боком, перегородил проход. Он был еще жив, только ранен, но под защиту его тела уже спешил другой. Бандит разлегся за подрагивающей тушей, выставил короткий ствол немецкого автомата.

«Четыре патрона осталось», – с сожалением подумал Алексей.

Он успел произвести еще два выстрела, добил рыжего детину, а потом затараторил немецкий MP-40. Капитану пришлось убраться в комнату. Было слышно, как топают люди. Еще как минимум парочка прибежала с лестницы.

Алексей обернулся. Чумазый Газарян сидел на полу, скрестив ноги по-турецки, и тупо вертел пустой барабан револьвера. Не стоило спрашивать, остались ли у него патроны.

– Небогато боеприпасов, командир? – пробормотал Газарян.

– Два патрона.

– Ладно, в рукопашную пойдем.

Тут-то все переломилось. Усилилась пальба, но уже на улице. Там ругались люди, ожесточенно били автоматы, советские вперемешку с немецкими. Взрывались гранаты. Прибыли долгожданные вояки из комендантского взвода?

Газарян улыбнулся. Жить действительно становилось веселее. Крики срывались в истерический фальцет. За громом пальбы слова не различались. Движение в коридоре тоже замедлилось, а потом и прервалось.

Алексей высунулся и обнаружил, что бандиты в советской форме спешно отходили к лестнице. Тряслись ступени. Все четверо негодяев убежали в холл. Остался лишь мертвый детина со стеклянными глазами.

Языки пламени облизывали стены. Несколько минут в окрестностях слышались выстрелы. Потом опять пошли в ход гранаты.

Алексей брел, держась за стенку. Кружилась голова. Он оступился, подоспел Газарян, помог подняться. Офицеры стояли, привалившись к стене, и тупо разглядывали мертвое тело.

– Пронесло, командир? – прошептал Газарян. – Поживем еще немного?

– Почему немного? – спросил Алексей. – Будем жить долго и счастливо, если какая-нибудь хрень, конечно, не стряется.

Звуки боя затихали. Сквозь звон в ушах прослушивался автомобильный двигатель, удалялась тяжелая машина. Похоже, у бандитов все получилось. Ну, или почти все.

– Эй, в доме! Есть живые?! – донесся с крыльца хриплый бас. – Это старшина Капустин, комендантский взвод! Не стреляйте!

Офицеры, измазанные грязью и чужой кровью, без сил повалились на галерею. К ним по лестнице бежали взволнованные солдаты, что-то растерянно бормотал коренастый старшина с отвислыми усами. Рослый боец куском брезента тушил огонь, облизывающий стену. Солдаты растекались по зданию. Их действительно было немного, не больше отделения.

Пламя удалось сбить. Особняк уцелел.

Потом стали проясняться пренеприятные моменты. Алексей понял, что боевики располагали всей информацией, которая требовалась им для организации этого нападения.

Отделение бойцов Красной армии, приписанное к Постычевскому гарнизону, возвращалось на трехтонном «ЗИС-5» из краткосрочной командировки на станцию Рошмень. В кузове, затянутом брезентом, находились одиннадцать красноармейцев, два станковых пулемета. До Постычева оставались две версты.

В заболоченной балке недалеко от села Выжиха водителю пришлось снизить скорость до минимума. В эту минуту подразделение и подверглось нападению. Работали бандеровцы почти без стрельбы. Обученные боевики запрыгивали в кузов, орудовали ножами. Внезапность все и решила. Низина погасила звуки выстрелов, крики людей. Солдатам, оставшимся в живых, бандиты резали горла как свиньям.

Через четверть часа грузовик въехал в Постычев. Подгонкой окровавленного обмундирования боевики особо не утруждались. Пост на въезде в город они ликвидировали в считанные секунды. Крытая машина с липовыми красноармейцами доехала до центра. Там далее боевики выгрузились и просочились дворами к особнячку МГБ.

Потери были большими. Бандиты действовали дерзко, с нахрапом.

Алексей потерянно бродил по кабинету, в котором получасом ранее проводил совещание. Небольшая комната была разворочена, забрызгана кровью. Оконную раму вынесло вместе со стеклами. В стенах зияли метровые дыры, оставалось лишь удивляться, почему они не

падали. Мебель превратилась в гору мусора. Из обстановки уцелел лишь сейф, до которого Субботин не успел добраться.

Да, совещание закончилось плачевно. Первому секретарю райкома Воевдину взрывом практически оторвало голову. Тело, залитое кровью, придавила тяжелая столешница. Субботин застыл между сейфом и останками стола со злобным негодованием в мертвых глазах. Старший лейтенант Максим Волков успел слететь со стула и принял на грудь шквал осколков мощной гранаты. Он лежал на полу, залитый кровью, забросив руку за голову, словно на минутку прилег. Тело Пархоменко солдаты уже унесли.

В коридоре остался мертвый громила в форме младшего сержанта Красной армии. Еще один валялся на лестнице, двое в холле. Пятый украшал крыльцо. Ноги его окостеневшими жердинами торчали вверх, а голова скрывалась под нижней ступенью.

Недалеко от беседки курили расстроенные красноармейцы, косились на выживших офицеров.

Подбежал вислоусый старшина Капустин, небрежно отдал честь.

– Товарищ капитан, не могли мы раньше подоспеть. Пятеро на подстанции службу несли, остальные – на материальном складе, который на окраине. Да, это наш грузовик был. Они на нем же и ушли, чтоб им пусто было. Мы в перестрелку вступили, когда они своих раненых к машине подтаскивали. Трех, кажется, загрузили. Рыл шесть в живых осталось. Мы еще парочку подстрелили, они на дороге валяются. С нами трое милиционеров были, одного они ранили. – Капустин нервно облизал губы. – Старше вас никого не осталось. Приказания будут, товарищ капитан?

– Ищите свою машину, Капустин. Они ее бросят. Покружат по лесным дорогам и где-нибудь оставят. Тела в морг. Я туда позже подойду.

Капустин козырнул, ушел исполнять распоряжения.

Алексей судорожно выкапывал папиросы из дальнего кармана. Прихрамывая, подошел Газарян. В глазах молодого офицера поблескивали слезы. О причине можно было не спрашивать.

– Что делать будем, командир? – Голос у него подрагивал. – Поимели нас по полному раскладу, Максимка погиб. Вот же суки поганые!

– Давай без лирики, – процедил Алексей. – Работать будем, Арсен. Сопли подотрем и перепашем это осиное гнездо.

Глава 3

30 декабря 2016 года

Донецкая Народная Республика

В ознаменование уходящего високосного года украинское командование решило срезать выступ между селом Гуляевка и Мазинскими болотами, заметно раздражающий его.

– Линия фронта должна быть ровной как стрела, – заявил командующий украинской группировкой, нависшей над мятежной республикой. – А если и не ровной, то лучше выпуклой, чем вогнутой.

Этот выступ шириной в несколько километров и глубиной в полтора образовался два года назад, в ходе тяжелых боев. В Гуляевке, в подвалах заброшенной заготовительной конторы, размещался госпиталь ополчения, эвакуировать который было хлопотно. Проще удерживать село и высоту, прилегающую к нему. Спецназ ДНР стоял на ней как влитой. Все попытки передвинуть линию раздела оборачивались бегством ВСУ с поля боя. Потом госпиталь оттуда все-таки съехал, а выступ, вклинившийся в территорию, контролируемую украинскими силовиками, остался.

На рассвете 30 декабря подразделения механизированной бригады перешли в наступление на высоту. Зима пока не лютовала, но с ночи начался сильный снегопад. Он-то на какое-то время и прикрыл атаку.

Рота пехотинцев под прикрытием четырех бронетранспортеров выдвинулась к подножию высоты. Бойцы продвигались вперед короткими бросками, по отделениям. Потом они поднялись и, не встречая сопротивления, пошли в галоп. Транспортеры устремились вверх по пока-тому склону.

В этот момент и заговорила артиллерийская батарея ополчения, замаскированная в овраге на востоке. На высоте сидели корректировщики.

Пехота залегла, стала вгрызаться в мерзлую землю. Боевые машины продолжали движение, но в итоге и им пришлось остановиться. Артиллерийский огонь уплотнялся, снаряды ложились точнее, расшвыривали землю.

Бравым хлопцам становилось как-то жутковато. Ведь их командиры рассчитывали на блицкриг.

Снаряд взорвался почти под колесами транспортера. Машину повело назад, осколки застучали по броне. Заглох двигатель, из-под днища повалил дым.

Члены экипажа в легких комбинезонах выбирались из люка, прыгивали на землю. Механику и пулеметчику удалось сбежать, а командир замешкался. Снаряд грохнул в нескольких метрах. Его подбросило, перевернуло в воздухе, швырнуло в воронку от такого же снаряда.

Остальные транспортеры стали пятиться. Они вели огонь, отъезжали, едва не давя собственную пехоту, залегшую где попало.

– Первый, что делать? – истошно прокричал в рацию командир ударной группы. – Нас обстреливают, мы не можем идти вперед! У нас подбита одна машина. Что делать?

– Табличку на нее повесьте, – огрызнулись в штабе. – Мол, не работает. Вперед, солдаты!

Спецназовцы и корректировщики ополчения прибыли на высоту полтора часа назад, обустроили позиции. Приказ был лаконичен: «Ждать». Информация о грядущей вылазке пришла еще с вечера. Так уж сложилось на этой странной войне, что у украинского командования не было секретов от террористов.

Наступление застопорилось. Уцелевшие транспортеры выстроились в цепь, вели ожесточенный огонь, перепыхивали косогор. Пехотинцы лежали на земле, мерзли, кляли последними словами свое недалекое начальство. Новый год наступает, какого хрена?! Почему мы тоже должны наступать?!

Артиллерийский огонь становился точнее. Взрыв подбросил двоих солдат, оказавшихся не в том месте, расшвырял их как картонные мишени. Поднялись еще двое и повалились, посеченные осколками. Снаряды ложились то слева, то справа. Дым перемешивался с падающим снегом.

Снова попадание в БТР! Машину заволокло смрадным дымом, из нее вырвался сноп пламени. Горело нутро бронетранспортера. Кто-то собирался покинуть машину, но этого бедолагу уже охватил огонь. Он испустил вопль, исполненный боли, и провалился обратно. Весь экипаж погиб в огне.

Уцелевшие транспортеры отползали. Огрызаться было нечем. Пулеметчики выработали весь боекомплект.

У пехотинцев тоже подходили к концу запасы патронов. Люди ползли назад. К черту такие фейерверки!

Два уцелевших транспортера ухитрились столкнуться на ровном месте. Один разворачивался, а второй не успел увернуться. Экипажи покидали машины, бежали к своим позициям.

Капитан повалился в канаву, яростно матерился, орал в рацию:

– Что делать?! Мое подразделение находится под плотным артиллерийским огнем!

– Снять штаны и бегать! – ответили ему из штаба. – Вы отвечаете головой за успех операции! В трибунал хотите? Живо поднимайте солдат в атаку, возьмите эту проклятую высоту!

Артиллеристы ополчения словно издевались, методично выкашивали залегших солдат. Взрывы расцветали в самой их гуще.

Капитану каким-то чудом удалось поднять бойцов в атаку. Они пробежали метров тридцать, залегли у подножия высоты, опять попали под ураганный огонь и не продвинулись больше ни на метр. Раненых и убитых становилось все больше.

Вспыхнул БТР, поврежденный раньше. Остроконечный сноп пламени устремился в небо.

– Хлопцы, елка, блин! – пошутил кто-то с отчаянными нотками в голосе.

Осколок вонзился в ногу капитана. Он выл, требовал квалифицированной медицинской помощи. Подползли два солдата, поволокли командира в тыл.

Артиллеристы пристрелялись. Теперь каждый снаряд, выпущенный ими, попадал в цель.

Надзирающего ока больше не было, ряды наступающих дрогнули, стали распадаться. Бойцы отползали, волоча за собой автоматы. Самые прыткие побежали, стремясь как можно быстрее выбраться из этого ада. Другие еще не утратили чувства взаимовыручки, тащили на себе раненых.

Ополченцы прекратили стрелять, когда стало ясно, что атака противника захлебнулась. Побитое войско покидало поле боя.

– Больше не приходите, вас здесь не любят! – выкрикнул с косогора корректировщик огня.

На месте побоища осталось больше двадцати неподвижных тел. Им помощь не требовалась. Чадили транспортеры.

Все же ополченцы промахнулись. Наступление на высоту отвлекло внимание артиллеристов, и они пропустили прорыв на участке, расположенном севернее. Несколько БМД с пехотой на броне вынырнули из оврага и устремились к Гуляевке, до которой по прямой было метров четыреста.

Боевые машины десанта проревели по полю, выбрались на дорогу и устремились к небольшому селу. Полсотни дворов вытянулись вдоль единственной улицы. Ополчение здесь не стояло.

Две машины отпочковались от колонны и стали обходить село, чтобы отрезать отход местным жителям. С брони спрыгивали хорошо экипированные бойцы в маскировочных натовских комбинезонах, растягивались по полю.

Первая БМД остановилась на западной околице. Бойцы по свежавыпавшему снежку бежали к калиткам. Вторая машина встала в центре поселка, третья устремилась дальше, на восточную окраину.

Со второй машины прыгнул старший сержант Касьян Гныш в новеньком хрустящем обмундировании, со штурмовой винтовкой М-16. Ему недавно исполнилось двадцать семь лет, но выглядел он старше. Плотно сбитый, с маленькими, узко посаженными глазами. Физиономию его покрывала густая щетина. Он цепко посмотрел по сторонам, кивнул жилистому ефрейтору Клычко, который выжидающе таращился на него, и зашагал к опрятному зданию поселковой администрации.

Солдаты обгоняли его и разбегались по хатам. Кто-то испуганно вскрикнул, залаяла собака. Хлопнул выстрел, животина жалобно заскулила, засмеялся меткий стрелок.

– Гныш, доложить обстановку! – прорезался в портативной рации голос командира взвода.

Касьян отстегнул от пояса компактное переговорное устройство.

– Обстановка нормальная, лейтенант. – Голос у него был надтреснутый, простуженный. – Мое отделение героически штурмует местную мэрию.

– Ну-ну. Смотри, не переусердствуй там. У вас не больше часа, Гныш, на работу с местными, – предупредил офицер. – Потом ватники очнутся, будут выдавливать нас из Гуляевки.

– Так пусть наши подтягивают свежие силы, – заявил Гныш. – Нормальный плацдарм. Отсюда и пойдём на Москву. – Он гоготнул и отключил устройство.

Как давно он мечтал о такой вот настоящей работе! Смерть врагам независимой Украины! Пусть Гуляевка и вернется под контроль ватников, но она еще долго им будет икаться. Настоящие патриоты достойно проявят себя в этом месте, забытом богом.

На крыльцо опрятного домика выбежала девушка в расстегнутой куртке, увидела нарукавные нашивки на комбинезонах солдат, побледнела, попятилась. Ее оттащил от порога такой же взволнованный парень, захлопнул дверь. Отогнулась шторка на окне.

«Потерпите, голубки, дойдет и до вас очередь», – подумал Касьян.

Взвод насчитывал сорок человек. Все они были набраны из бывших членов Украинского добровольческого корпуса, хорошо подготовлены и включены в состав карательного батальона. На шевроне, пришитом к рукаву каждого солдата, на желто-голубом фоне была изображена свастика, стилизованная под перекрещенные трезубцы.

Солдаты топали по крыльцу администрации. Мужчину, вышедшего навстречу им, боец ударил прикладом в живот. Он согнулся пополам, двое дюжих хлопцев схватили его за шиворот и легким движением засунули в бочку, стоявшую справа от крыльца.

– Вот здесь и сиди, Диоген, – заявил белобрысый Олесь Гунча. – Не дай тебе боже вылезти оттуда без нашего разрешения!

Они ворвались в здание, а Гныш остался во дворе. К нему подбежал плюгавенький мужичок в рваном треухе. За несколько шагов он сменил физиономию на угодливую. Видит бог, умел бы этот тип ходить строевым шагом, так и подошел бы.

– Это я, Пилипейко, – пробормотал мужичок, трусливо косясь по сторонам. – Слава Украине, пан офицер, все такое. Это я с вами связывался вчера. Касьян Гныш – это же вы?

– Привет, двурушник. Подготовил список людишек?

– Да, все адреса имеются. – Пилипейко энергично закивал. – Куча уродов и предателей. Глава администрации Ворохов, его бухгалтер Данилюк – у него сыночек террористам служит. Шаховский – та еще мразь, зоотехник, тоже ошивался в войсках у ватников. Курехина – проститутка, выдра страшная, замом у Ворохова работает.

– Проведешь солдат по адресам! – приказал ему Гныш, давая знак напрягшемуся Клычко. – Чтобы через десять минут вся эта достойная публика была в администрации!

Он вразвалку забрался на крыльцо, закурил, покосился на мужика, утрамбованного в бочку. Тот потерял сознание от удара в живот. А может, и преставился уже. Туда ему и дорога, прихвостню террористов.

Гныш протопал внутрь, с ехидной усмешкой изучил доску объявлений, плакаты, призывающие крепить единство народов Донбасса и обороноспособность маленьких, но гордых республик. Он пинком отворил дверь, вошел в пустую приемную, осмотрелся. Компьютер еще работал, на вешалке висели пуховик и женская сумочка. Окно распахнуто. Удрала секретарша товарища Ворохова, да и шут с ней. Далеко не убежит.

Касьян развалился в кресле, положил на колени штурмовую винтовку, вытянул шею, чтобы разглядеть отражение в зеркале. В последнее время Гныш нравился себе. Не сказать что модельный идеал, но все равно хорош. Снова нашел себя, обрел призвание, за которое не стыдно перед побратимами.

В его биографии были разные страницы, как неприглядные, так и весьма достойные. Он родился в поселке Гривово, расположенном в Запорожской области, и с молодых ногтей питал почтение к национальному герою Степану Бандере и воинам 14-й гренадерской дивизии СС «Галичина». Буквы «СС» не вызывали у него никакого отторжения. Напротив, от них веяло чем-то возвышенным, окрыляющим.

Касьян нес по жизни свои идеи как знамя. В шестнадцать лет он взахлеб читал неподражаемый опус Адольфа Гитлера, еще и заметки на полях делал, очерки Йозефа Геббельса, книжки про ОУН и УПА, про их героическую борьбу с поляками, москалями и даже с немцами. Те, конечно, были хорошими парнями, но отчего-то отвергали независимое украинское государство.

Больше, чем Христа, он чтит своего прадеда Нестора Бабулу, посвятившего жизнь изгнанию оккупантов с украинской земли, собирал о нем материалы, рылся в архивах. Касьян дал себе слово, что когда-нибудь напишет книгу про прадеда. Не сейчас, а когда общество будет готово переосмыслить некоторые страницы своей истории.

Он жил в Ивано-Франковске, обретался в Киеве, где подвизался в охранной фирме, близкой к Национал-социалистической ассамблее. Несколько месяцев служил в батальоне «Азов», активно выводил террористическую плесень. Не угодил начальству, которое сочло его слишком жестоким. Ему пришлось покинуть эту воинскую часть.

Потом Касьян служил в батальоне «Киев-1», тренировал новобранцев. Забрасывал командование рапортами с просьбой отправить его в диверсионно-разведывательную школу. Но с этим почему-то не складывалось.

Гныш ушел из армии, снова подался в военизированную охрану. Он вернулся в Гривово, мыкался без дела, выполнял мелкие поручения местных функционеров ОУН. Помнится, запил, сидел без денег.

Следующим этапом своей биографии Касьян гордиться не мог. Он сколотил банду из однокашников – Петро Притупа, Демид Рыло, Гнат Рваный. По пьяному делу они рванули ночью на оккупированную территорию, погуляли на славу. Четыре трупа, море жрачки, бухла. Потом была еще одна акция того же рода. Хлопцы успешно сокращали поголовье колорадского стада, пару ментов на тот свет спровадили.

Тут на их головы и свалился некий Овчинин, служивший в спецназе у ватников. Он не поленился, выследил всю группу Гныша, хитростью заманил ее в заброшенный спорткомплекс. В схватке погибли трое славных парней, настоящих патриотов, уцелел только Гныш.

Он позорно бежал, сверкая пятками, а потом несколько дней бухал по-черному, люто себя ненавидел. Касьян дал себе слово, что отомстит негодяю, выследит его, накажет.

Теперь он знал, где и с кем жил этот тип. Дело оставалось за малым. Надо было лишь проникнуть в Донецк. Именно это Гныш и собирался сделать в ближайшее время.

В последние три месяца судьба благоволила ему. Он надавил на старые связи и получил долгожданное предложение поступить в разведывательно-диверсионную школу. Это учебное заведение располагалось далеко на западе, в Збровичском районе Львовщины.

Объект курировал некий Вильям Ноэрти. Он называл себя полковником и не скрывал, что трудится в частной военной компании, якобы не имеющей ни малейшего отношения к НАТО.

Гныш с отличием окончил школу и горел желанием отомстить негодяю Овчинину.

– Подожди до поры, успеешь еще, – посоветовал ему полковник Овчарук, формальный начальник школы. – Придет твой час. Скоро начнем набирать группу из толковых ребят. Есть одно дельце в Донецке. А пока можешь размяться в одном из добровольческих батальонов. Я договарюсь с майором Ляховским.

Что-то определенно назревало. Вчера Овчарук выходил на связь, намекнул, что надо быть готовым к новому назначению. А сегодня пришел внезапный приказ на прорыв к Гуляевке, где имелся осведомитель. Тоже, в принципе, неплохо. Поперло, пан старший сержант!

Солдаты уже кого-то загоняли на крыльцо. Возмущенно гомонили гражданские. Черта с два, здесь и сейчас таковых нет. Тут все военные!

Распахнулась дверь, и поджарый Денис Клычко втолкнул в помещение невысокого бледного мужчину в ветровке не по сезону. Тот затравленно шарил глазами. Зубы его скрипели. Он получил тычок в затылок и полетел на столешницу, заваленную бумагами.

Тут же белобрысый Олесь Гунча загнал в комнату щуплого пожилого заморыша и рослого скуластого мужчину лет сорока, в глазах которого сверкало бешенство. Клычко тут же шмыгнул обратно в коридор и притащил за шиворот упирающуюся женщину в потертой куртке. Ей было чуть за тридцать. Русоволосая, растрепанная, с большими глазами и немного несимметричным лицом.

«Фигура могла бы быть и получше. В топ самых красивых баб планеты она точно не войдет, – подумал Гныш. – Хотя для сельской местности и это неплохо».

Из коридора заглядывал возбужденный Пилипейко, вытягивал шею. В глазах его плясало злорадство.

«Всех своих обидчиков сдал, – сообразил Гныш. – Ладно, пусть порадует. Придет и его черед».

– Рад приветствовать! – бодро заявил Гныш, вытряхиваясь из кресла. – С наступающим вас! Как делишки? Елки нарядили, шампанское прикупили?

Бойцы поставили колорадов в одну шеренгу, подравняли ее прикладами. Клычко и Гунча отступили, взяли на изготовку штурмовые винтовки. Наспех одетые пленники угрюмо смотрели на Гныша и молчали.

– Неразговорчивые вы, – заметил Касьян. – Вы кто, мадам? А вы, дорогой товарищ? – Он повернулся к рослому типу – Понимаю вас, любезный. Средних пальцев мало, чтобы выразить чувства?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.